

УДК 93/94

Карагодин Андрей Васильевич, доктор исторических наук, профессор кафедры источниковедения исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

E-mail: avkaragodin@yandex.ru

ОТМЕНА КРЕПОСТНОГО ПРАВА И КРИЗИС ДВОРЯНСКОГО
ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ НА ЮЖНОМ БЕРЕГУ КРЫМА (НА ПРИМЕРЕ ИМЕНИЯ
СИМЕИЗ С.И. МАЛЫЦОВА И ЕГО НАСЛЕДНИКОВ)

Аннотация. В статье рассмотрена история формирования некоторых курортных поселков на Южном берегу Крыма. Показано, что Крымский полуостров, хотя и не был формально интегрирован в систему крепостного права, тем не менее, оказался в эпицентре разнообразных и драматических процессов, развернувшихся в российском государстве и обществе после реформ 1860-х годов, прежде всего, аграрной реформы, направленной на отмену крепостного права.

Ключевые слова: Российская империя, отмена крепостного права, Крымский полуостров.

Karagodin Andrey Vasilievich, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Source Studies at the Faculty of History of Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

E-mail: avkaragodin@yandex.ru

THE ABOLITION OF SERFDOM AND THE CRISIS OF NOBLEMAN'S LAND
OWNERSHIP ON THE SOUTHERN COAST OF CRIMEA (ON THE EXAMPLE
OF THE SIMEIZ ESTATE OF S.I. MALTISOV AND HIS HEIRS)

Annotation. The article examines the history of the formation of some resort villages on the southern coast of Crimea. It shows that although the Crimean Peninsula was not formally integrated into the system of serfdom, it was nevertheless at the epicenter of the diverse and dramatic processes that unfolded in the Russian state and society after the reforms of the 1860s, primarily the agrarian reform aimed at abolishing serfdom.

Keywords: Russian Empire, abolition of serfdom, Crimean Peninsula.

На протяжении многих лет автор при поддержке крымских историков и краеведов изучает историю формирования дачных курортов на Южном берегу Крыма в начале XX века – Кацивели, Нового Мисхора, Нового Симеиза и других [1]. Самым известным и благоустроенным из них был Новый Симеиз (на нем насчитывалось 167 размежеванных участков, из них 137 проданных, на шестидесяти из которых были построены дачи). Начало формированию курорта было положено в 1900-1902 годах, когда существенная часть крупного имения дворян Мальцовых, существовавшего в Симеизе и его окрестностях начиная с 1820-х гг., была поделена братьями И.С. и Н.С. Мальцовыми на участки, которые продавались под строительство дач.

К концу 1900-х гг., когда стало ясно, что количество желающих приобрести дачи в Новом Симеизе превосходит число размежеванных участков, братья Мальцовы решили выделить под застройку еще одну часть бывшего имения их отца и деда, где до тех пор находились виноградники. Характер застройки курорта ясно виден по кадастровому плану дачного поселка Новый Симеиз с указанием продаваемых, проданных и застроенных участков, парка, водопровода и т.п. [2].

Как показывают результаты анализа сформированной нами на основе комплексного изучения источников базы данных «Дачи Симеиза», среди покупателей дач в Новом Симеизе были в основном имевшие определенный достаток (в 1912 г. цены на участки варьировали от 8 до 69 руб. за 1 кв. саж.) жители Санкт-Петербурга, Москвы и центральной России, которых можно

отнести к формировавшемуся «среднему классу» позднимперской России – инженеры путей сообщения, военные, юристы, предприниматели, деятели науки, культуры и искусства. Помимо дворян, составлявших большинство покупателей участков, участки под дачи в Новом Симеизе приобретали выходцы из городских обывателей (купцы, мещане), зажиточные крестьяне, представители духовного сословия. Соседями по дачам Нового Симеиза стали инженеры В.М. Кузьменко, Н.С. Свиягин, В.М. Родевич, Е.М. Духовской, предприниматели А.Л. Керков, С.И. Сабашников, Н.И. Кошеверов, Н.К. Александров-Дольник, генералы в отставке Я.П. Семенов, Г.И. Бобриков, П.Е. Базилевский и В.П. Зыков, врачи С.Я. Елпатьевский, Б.Н. Зубаровский и А.М. Шпиндлер, многочисленные представители рязанских помещиков Лансере-Коробьиных и другие. В гости к ним во время курортного сезона приезжали родственники и друзья, коллеги по профессии, общие знакомые, среди которых были, к примеру, А.М. Васнецов, З.Е. Серебрякова, Ф.И. Шаляпин и другие известные деятели культуры и искусства.

Было оформлено «Общество курорта», утверждены строгие правила застройки и пользования частными и общественными территориями. К работе над дачами были привлечены именитые архитекторы, например, Н.П. Краснов, автор проектов дворцов Романовых и великих князей на Южном берегу. Устраивались общественные сады и парки.

Полная база данных «Дачи Нового Симеиза», составленная нами с привлечением источников разных типов и видов, в том числе визуальных и картографических, и дающая представление об участках и дачах Нового Симеиза и их владельцах, доступна в виде историко ориентированного тематического сайта «Симеиз. Путеводитель по старым дачам» по адресу в интернете: <https://simeiz.gardenacademia.com> [3].

Братья Мальцовы также продолжали проживать в своих домах в Симеизе, активно участвуя в обустройстве курорта. По ходу изучения истории Нового Симеиза не может не возникать закономерного вопроса о причинах, побудивших их к распродаже фамильных земель. Ответа на него

существовавшая литература не давала, ограничиваясь общими словами о желании Мальцовых создать образцовый курорт, кризисе крупного дворянского землевладения в пореформенной России или «демократизации общественных процессов в стране в целом» [4]. Предпринятое нами комплексное изучение истории династии Мальцовых и выявленные в архивах документы позволяют вполне ясно установить, почему эта распродажа имела место, и благодаря этому проложить дорогу к более широким историческим объяснениям, касающимся всего периода пореформенной модернизации России, когда, по словам писателя В.В. Набокова, «фантастически перемешивалось новое со старым, либеральное с патриархальным, фатальная нищета с фаталистическим богатством» [5].

История владения семейством Мальцовых землями в Симеизе началась в 1828 году, в эпоху «второй волны» колонизации ЮБК представителями русской аристократии (первую принято связывать с именами Г.А. Потемкина и его сподвижников). И.А. Мальцов (1774–1853), владелец металлургических, сахарных и стекольных заводов в Калужской губернии, выкупил несколько земельных участков в Симеизе – в 1828 г. у Ф.Д. Ревелиоти и в 1830 г. у Д.В. Нарышкина [6], которые ранее купили их у крымских татар (в 1824 и 1825 гг. соответственно [7]). Этому предшествовало предпринятое в 1825 г. Мальцовым вместе с сыном Сергеем и племянником Иваном путешествие по Крыму. За несколько последовавших десятилетий И.А. Мальцов распространил свои владения почти на весь Симеиз и его окрестности, разбил виноградники, построил один из первых на Южном берегу Крыма винных заводов [8].

Сын Мальцова Сергей Иванович (1810–1893) получил хорошее образование – среди его учителей был профессор Московского университета И.М. Снегирев (1793-1868), – был принят в гвардейскую кавалерию, стал адъютантом генерал-майора, принца П.Г. Ольденбургского. В 1839 г. Мальцов, с согласия отца, основал на базе чугунного производства рельсопрокатный завод, с привлечением продукции которого была построена Николаевская железная дорога от Санкт-Петербурга до Москвы. В 1849 г. С.И. Мальцов,

подав в отставку в чине генерал-майора, уехал в родовое имение Дятково с намерением посвятить себя промышленности [9]. Вскоре после этого Мальцов, вдохновленный павильоном Кристал Пэлэс, возведенным в Лондоне к Всемирной выставке 1851 г., построил в Симеизе свой Хрустальный дворец. Он должен был символизировать триумф мальцовских заводов, вокруг которых сложился первый в России промышленный район – Мальцовский заводской округ на территориях Калужской, Орловской и Смоленской губерний [9, с. 143–144].

Однако не пройдет и нескольких десятилетий, как благополучие промышленной империи С.И. Мальцова окажется под вопросом, в первую очередь в результате осуществленной правительством в 1861 г. крестьянской реформы.

Важно отметить, что С.И. Мальцов, всегда занимавший активную не только коммерческую, но и общественную позицию (еще в 1840-х гг. он предложил для предупреждения вызванного регулярными неурожаем голода всеобщее устройство ссуд под залог хлеба по средним ценам, выведенным для каждой местности России, а также лоббировал запрет ввоза железа и чугуна из-за границы), активно участвовал и в развернувшейся в конце 1850-х гг. в дворянской среде дискуссии по поводу необходимости и различных вариантов отмены крепостного права [10].

Мальцов стал одним из лидеров «консервативной» партии дворянства, активно оппонировавшей взявшему верх в «Редакционных комитетах» и получившему поддержку правительства проекту реформы, предполагавшему наделение крестьян землей с правом последующего выкупа. Среди лидеров этого оппозиционного течения выделялись также состоятельные помещики Московской, Петербургской и других губерний: братья М.А. и Н.А. Безобразовы, граф В.П. Орлов-Давыдов, братья П.Б. и Г.Б. Бланки, предводители дворянства Орловской губернии и Царскосельского уезда Петербургской губернии В.В. Апраксин и А.П. Платонов, Д.Н. Шидловский. В 1858 г. из-под пера Мальцова вышла «Записка Комитета владельцев

замосковских горных заводов», в которой подробно объяснялось, почему «история и опыты других народов доказывают положительно невозвратный вред, не только для горного промысла, но и для всей будущности государства, от предоставления всему народу поземельной собственности» [11, с. 41].

Такое решение – а именно к нему в итоге склонилось правительство Александра II, – по мнению Мальцова, несло в себе потенциальный вред экономике от раздробления собственности и неминуемого распыления народом денег, призванных в теории составить оборотный капитал на приобретение земель. В обоснование своих доводов С.И.Мальцов писал: «Два народа... идущие во главе Европы, могут остановить наше внимание. Англия – своею твердостью, промышленностью и успехами, и Франция – своими колебаниями, препятствующими успехам... в Англии рабочий заводской класс, земледельцы и даже горожане не имеют поземельной собственности и при этом свободнее и богаче всех народов. Англия остается спокойною среди революции всей Европы, не боится оказывать гостеприимство всесветным бунтовщикам в уверенности, что они не взбунтуют народа, не имеющего никакой поземельной собственности и, между тем, совершенно вольного, богатого и довольного». При этом во Франции клочки земли, данные в собственность народу, возбудили в нем гордость и жажду к совершенной независимости, были причиною ужасов самой революции и препятствовали созданию прочного управления» [11, с. 42].

Как известно, аргументы Мальцова и его единомышленников услышаны не были; более того, на собраниях провинциального дворянства согласно циркуляру МВД было вообще запрещено поднимать крестьянский вопрос, а активность Мальцова по оппонированию будущей реформе вызвала неудовольствие самого императора Александра II, в качестве наказания запретившего Мальцову выезд за границу. В итоге Мальцов реализовал «английский» вариант освобождения крестьян в масштабах своего промышленного округа. Рабочие принадлежавших ему заводов, бывшие крепостные, в 1861 году под нажимом Мальцова добровольно отказались от полагавшегося им надела и довольствовались отводом в собственность

усадебной земли и небольших огородов и лугов. При этом Мальцовым активно развивалась система социальной поддержки рабочих, их обучения, строительства жилья, общественного призрения.

Как пишет инженер К.А. Скальковский, посетивший в 1865 г. по Высочайшему положению мальцовские заводы для анализа того, как осуществляется переход от крепостного права к вольнонаемному труду: «под свежими остатками крепостного права его владения... представляли курьезное зрелище какой-то крепостной республики – государства в государстве» [12, с. 207–208]. По словам другого источника, «развиваясь под покровом и на почве бывшего крепостного права, дело Мальцовских заводов естественным путем устанавливало и, в силу традиции, свойственной такой древнедворянской семье, как род Мальцовых, до настоящего времени поддерживает совершенно особые отношения между хозяевами и рабочими, свойственные не спекулятивно-промышленным предприятиям, а заводам, фабрикам и сельскохозяйственным учреждениям, устроенным дворянами. Отношения эти чисто патриархальные» [13, с. 227].

К середине 1880-х гг. социально-промышленный патернализм Мальцова, впрочем, обернулся своей негативной стороной. В 1875 г. Мальцов объявил о создании Мальцовского промышленно-торгового товарищества, в состав которого было переданы практически все принадлежавшие семье Мальцовых активы (в их числе 11 металлообрабатывающих и механических заводов, 8 фабрик по изготовлению стекла, а также 200 000 десятин земли с рудниками, угольными копиями, кирпичными заводами и т.п.), за исключением усадебной земли, отведенной в пользование временнообязанным крестьянам, двух домов в Москве и имения Симеиз [9, с. 143–144]. Главным направлением деятельности вновь собранного общества должно было стать рельсо-, паровозо- и вагоностроение, а стратегическим партнером – государство. С 1870 по 1881 год было сооружено 373 паровоза, 11 тыс. вагонов. В реконструкцию производства Мальцов вложил около 2 млн. руб., средства неоднократно предоставлял в виде ссуд Государственный банк.

Однако экономические кризисы 1873–77 и 1882–84 гг., ухудшение рыночной конъюнктуры, снижение доходов предприятий, устаревшие методы управления, наличие множества непрофильных убыточных производств и хозяйственных активов, запутанная отчетность, а также изменение государственной политики в сторону закупок импортной железнодорожной техники (продукция мальцовских заводов зачастую не отвечала возросшим требованиям к качеству паровозов и вагонов) нанесли удар по империи Мальцова. На складах скопилось большое количество не нашедших покупателя товаров. Сократились доходы и от сахарных и стекльно-хрустальных производств.

Обратимся вновь к мемуарам К.А. Скальковского. «Страстью его было обустройство новых заводов и фабрик, в мое время (1865 – прим. авт.) их насчитывалось 70, большею частью работавших в убыток... В то время Мальцов имел еще 600–700 тысяч годового дохода, но затем запутался, и, чтобы пополнить дефициты, ничтоже сумняшеся, выпускал собственные бумажки, так называемые «мальцовские деньги», под видом квитанций на получение припасов из его конторы. Были квитанции даже в 5 рублей, все на картоне, грубо сделанные, понятно, было немало и фальшивых, но доверие к генералу было так велико, что деньгами этими можно было расплачиваться на всех станциях Калужской губернии. В конце концов мальцовских денег выпущено было на 3 млн рублей и правительство ликвидировало их потом с порядочной приплатой, а всего чуть ли за свое своеобразное хозяйство Мальцов не наделал 12 млн. рублей долга» [12, с. 208].

Ситуация осложнялась и семейными тяжбами Мальцова. Важнейшую роль в них сыграла его жена, урожденная княжна Анастасия Николаевна Урусова. Имея трех сыновей и трех дочерей, большую часть жизни супруги прожили в разъезде: виной тому была разность характеров и интересов. «Мальцов, небольшого роста крепкий старик, живой, красноречивый, всем интересовавшийся, но деспот и самодур, был нечто среднее между парагвайским доктором Франсией и гоголевским полковником Кошкаревым.

Все письма распечатывались и было организовано шпионство, а с другой стороны мифологические нравы: в Людиновском заводе барин садился на балкон, и заводские бабы и девки должны были купаться для его увеселения в заводском пруду. Более красивым давались дешевые конфеты... Он был, однако, в известной степени прогрессист, много читал, что ездил за границу и привозил оттуда технические новости», – писал К.А. Скальковский [12, с. 207–208]. Ему вторил известный публицист В.И. Немирович-Данченко (старший брат основателя Художественного театра), выпустивший в 1882 г. по предложению С. И. Мальцова серию рекламных очерков о его империи под названием «Америка в России»: «Люди, проживающие свои доходы на интернациональных публичных женщин, проигрывающие в карты кровь и пот народа, чуть не с ужасом говорят о Мальцове: "Это – маньяк! Как простой мужик забился в деревню и живет там с крестьянами!"» [14].

Жена Мальцова, воспитанная при дворе, еще в конце 1840-начале 1850 х гг. осталась жить в Санкт-Петербурге, забрав с собою детей. Поскольку А.Н. Урусова была фрейлиной и ближайшей подругой жены императора Александра II Марии Александровны, финансовыми спорами Мальцовых занимался на протяжении нескольких десятилетий лично император, а также председатели Кабинета министров граф П.Н. Игнатьев и М.Х. Рейтер, шеф жандармов Н.В. Мезенцев и другие официальные лица. Вот, к примеру, строчки из письма С.И. Мальцова М.Х. Рейтеру, написанного после начала очередной тяжбы в 1882 г.: «В течение десяти лет с тех пор, как жене моей удалось втереться к покойной государыне, она соединилась с III отделением, со своим братом (князь С.Н. Урусов, заведующий 2 отделением императорской канцелярии – авт.) настроила сыновей моих против меня обещаниями почестей, приучила их к пустой жизни, чтобы они смотрели на трудовую как на наказание. Остается последняя надежда: это справедливость Государя <...> жене моей и сыновьям моим необходимо было меня оклеветать, чтобы оправдать их незаконное поведение, я готов на все следствия и суды» [11, с. 30].

Тяжбы между С.И. Мальцовым и его женой с сыновьями, подробно описанные в литературе, длились вплоть до самой его смерти [15]. В 1884 году 74-летний Мальцов был отстранен от оперативного управления своими предприятиями и помещен под опеку под предлогом расточительности и помешательства в уме, а 4 млн. паев было разделено между его тремя сыновьями. Из этой суммы в 4 млн. руб. 1400 тыс. находилось в залоге в Государственном банке в обеспечение неуставной ссуды (в 500 тыс. руб.) и казначейской ссуды (800 тыс.руб.), 400 тыс.руб. в залоге в разных кредитных учреждениях, 300 тыс.руб. в обеспечение подрядов. Паи на 1 млн. руб. по уставу Мальцовского товарищества были положены на хранение в Государственном банке в обеспечение содержания семьи Мальцовых, определяемого в 60 тыс. руб. в год [13, с. 225–238].

Сам С.И. Мальцов удалился в Симеиз, где переоборудовал Хрустальный дворец в гостиницу (прокладка Лозово-Севастопольской железной дороги в 1875 году способствовала притоку в Крым туристов), рядом открыл еще две, на двадцать номеров, а также устроил гостиницу в Лименской долине. Кроме того, по всему имению в Симеизе были разбросаны так называемые «вагончики» – переделанные из бракованных вагонов производства мальцовских заводов домики, разделенные перегородками на три или четыре комнаты [16].

Когда в 1885 году в Симеиз приехал Л.Н. Толстой, сопровождавший своего больного друга, родственника Мальцова князя Л.Д. Урусова, бывшего тульского губернатора, женатого на дочери Мальцова Марии, по словам писателя, перед ним предстал небольшого роста крепкий старик, еще недавно живой, красноречивый и всем интересовавшийся, а теперь лишь вспоминающий былое могущество, «самолюбивый и бестолковый, соединившим в себе тип генерала и старого помещика» [17, с. 59]. 21 сентября 1893 г. Д.А. Милютин записал в дневнике: «Навестил соседа нашего С. И. Мальцова. Старик очень опустился не только физически, но и умственно» [18, с. 284]. С.И. Мальцова не стало в конце того же года, 21 декабря 1893 г. в Санкт-Петербурге. 26 декабря 1893 г. тело С.И. Мальцова было доставлено в

Дятьково. Д. А. Милютин тогда же записал в своем дневнике: «Население Симеиза, как русское, так и татарское встревожено, недоумевая, в чьи руки попадет мальцовское имение» [18, с. 276].

Вскоре выяснилось, что С.И. Мальцов составил завещание, в котором демонстративно не упомянул ни жену, ни сыновей, определив: «...завещаю дочерям моим Капитолине, Марии и Анастасии в собственность деньгами по 30 тыс. рублей. Девушке Екатерине Федоровне Антоновой, находившейся в моем служении с 1883 г., завещаю в собственность деньгами 10 тыс. рублей, <...> и всю движимость мне принадлежащую в доме симеизском, в котором я жил». Некоторые суммы Мальцов завещал также ближайшим помощникам, храмам, которые посещал «вместе с трудящимися» (шести храмам по 1000 руб. и четырнадцати по 500 руб.), а остальной капитал (до 300 тысяч рублей) – «на распространение грамотности и просвещения среди жителей волостей», где находились его заводы [19, с. 29–30].

Не менее важен и другой документ, обнаруженный нами в фондах Государственного архива Республики Крым (ГАРК) в Симферополе – коллективное заявление от наследников Мальцова, поданное приставу Пречистенской части в Москве 14 июня 1894 года. В нем утверждается, что 27 мая 1894 года приведенное выше завещание С.И. Мальцова было утверждено к исполнению Санкт-Петербургским окружным судом: «Дело об имуществе, вышедшем в его завещательном распоряжении, сосредоточено в Санкт-Петербургской дворянской опеке, которая находится в общении с Министерством народного просвещения, которое и является главным наследником после умершего С.И. Мальцова» [20].

Однако родственники также указывают, что «независимо от этого после С.И. Мальцова осталось родовое имение Симеиз, оцененное в 196685 руб.», и просят считать это имущество оставшимся без наследственных распоряжений, предъявляя на него права. Эти права были утверждены 23 августа 1894 года С.-Петербургским окружным судом. Одновременно в прошении от 13 июня 1894 г. Анастасия Николаевна отказалась от оставшегося после мужа

наследства. В итоге наследниками симеизского имения площадью 567 дес. 600 кв. саж. были объявлены шестеро детей С. И. Мальцова, и каждому была определена часть движимого и недвижимого имущества. Наследники решили имение не делить и взамен на финансовую компенсацию оставить имение в общем владении двух братьев: Ивана Сергеевича и Николая Сергеевича. Таким образом, в 1894 г. Николай Сергеевич Мальцов, генерал-майор, шталмейстер, чиновник кодификационного отдела Государственного совета, и Иван Сергеевич Мальцов, полковник лейб-гвардии Кавалергардского полка, штаб-офицер для поручений при Императорской главной квартире, были введены во владение симеизским имением своего покойного отца [21].

Вскоре каждый из братьев построил себе дом – уже в 1898 году, как сообщает в дневнике Д.А. Милютин, в новом доме И.С. Мальцова справлялась свадьба его дочери Марии с мичманом Нахимовым, представителем династии русских моряков, товарищем брата новобрачной Сергея Мальцова [18, с. 501].

Примерно тогда же братья решили преобразовать Симеиз в дачный курорт, распродав часть земель отцовского имения. Причинами этого, как становится ясно из источников, было желание братьев Мальцовых укрепить свое финансовое положение.

Из года в год оно становилась все более неутешительным: еще в июле 1885 г., едва поместив отца под опеку и не успев войти в управление предприятиями, они немедленно запросили помощи у государства, доложив на имя Александра III, что товарищество осталось без средств на ведение предприятий, а населению Мальцовского округа угрожает голод. По предложению Министерства финансов было организовано Особое совещание, которое, проанализировав ситуацию в Мальцовском округе, пришло к неутешительным выводам о его экономическом положении и необходимости передать дело спасения округа и, что немаловажно, поддержки огромного числа оказавшихся без средств рабочих государству. 13 августа 1885 г. было учреждено «Казенное управление Мальцовскими заводами». Заводское дело Мальцова было оценено в 15 млн. 760 тыс. руб., долг составлял

10 млн. руб., в том числе 3,3 млн. казне.

Вскоре Управление убедилось, что реальное положение дел на мальцовских заводах еще хуже, чем представлялось Особому совещанию. Население округа росло – по официальным данным, в 1885 г. при заводах «состояло 9800 человек постоянных рабочих, из них 6808 душ горнозаводских мастеровых имеют большей частью только одни усадьбы и незначительное количество (от $\frac{1}{2}$ до 2 десятин) лугов или же проживают при заводах и не имеют и этих ничтожных наделов. Независимо от этого, при заводах работает до 20 000 душ рабочих разных наименований (рудодокопов, древорубов, возчиков и т. п.). Все же рабочее население, благосостояние которого обеспечивается исключительно Мальцовскими заводами, достигает до 100 000 душ» [13, с. 227]. Практически лишенное собственной земли и зависевшее лишь от прибыльной работы заводов, это население в итоге оказалось на грани голода. Элементарный коммерческий расчет требовал сокращения производства, но поскольку даже временное и частичное сокращение оставило бы массу рабочих без минимальных доходов, правительство было вынуждено разрабатывать средства его поддержки, а заводы продолжали работать в убыток.

Во время казенного управления многие из заводов были все-таки закрыты, отменены пособия и пенсии, с трудом решался вопрос минимального наделения рабочих земель. При этом особым распоряжением Александра III на содержание жены и детей С.И. Мальцова начиная с 1885 г. отпускалось в счет финансирования заводов 20 тыс.руб. в год жене и по 4 тыс. руб. в год каждому из сыновей.

Наконец, в 1888 г., когда долги составили уже 7,7 млн. руб., Мальцовское промышленно-торговое товарищество было признано Санкт-Петербургским коммерческим судом несостоятельным должником. Конкурсное управление по делам несостоятельного должника действовало с 1888 по 1894, позволив расплатиться с рядом долгов. В фонде имения Симеиз наследников генерал-майора С.И. Мальцова в ГАРК (Ф. 333) имеются копии решения заседания Конкурсного управления от 30 мая 1890 года, отказавшего И.С., С.С.

и Н.С. Мальцову в требовании выплатить соответственно 18280 руб, 53196 руб. и 38604 руб. полученных дивидендов за 1880-83 гг. на основании того в указанные годы долги товарищества существенно увеличивались, и отчисление за эти годы дивидендов «является неответающим ни общему закону, ни уставу Товарищества» [22]. Тем не менее, в 1891 г. жене и детям Мальцова была «всемилостейше дарована» сумма в 1,5 млн. руб., причем 750 тыс.руб. из нее должны были храниться в виде процентных бумаг в Государственном банке неприкосновенно до смерти жены Мальцова, а проценты (составлявшие 60 тыс.руб.) выплачиваться ей пожизненно.

Через девять месяцев после смерти С.И. Мальцова, в сентябре 1894 года мальцовские заводы в полном составе перешли от государства в собственность высочайше утвержденного Московского акционерного общества Мальцовских заводов, иными словами – были заново акционированы. Их новыми хозяевами стали Иван Мамонтов с группой московских предпринимателей. Безвозвратные расходы государства на поддержку мальцовских заводов за десять с лишним лет составили два с половиной миллиона рублей. Подробно история, приводные механизмы и ход кризиса и последовавшего банкротства промышленной империи С.И. Мальцова разобраны в работах И.Ф. Гиндина и Л.И. Захаровой [11, 13].

По мнению И.Ф. Гиндина, к кризису привела в первую очередь двойственная политика правительства, направленная, с одной стороны, на сохранение крупных владений и предприятий дворянства, а с другой – на развитие транспортного машиностроения. За фасадом Мальцовской промышленно-патерналистской империи крылась противоречащая коммерческому расчету постановка производственно-хозяйственной деятельности заводов, требовавшая немедленной реорганизации. Министерство финансов «поняло это буквально на другой день после учреждения казенного управления и было напугано теми не имеющими предела затратами на ведение заводов и покрытие их убытков, которые были неизбежны при казенном управлении. Но тогда выступила на первый план еще одна сторона

правительственной политики, связанной с сохранением после реформы полукрепостнических отношений – забота о пропитании населения» [13, с. 238].

Попытка балансировать между необходимостью экономического развития страны и защитой финансовых интересов дворянского класса, как главной опоры самодержавия, была в целом характерна для пореформенной политики царского правительства, что, по мнению многих исследователей, во многом и привело его к фатальному кризису и Русской революции. Так, в ключевой для страны аграрной сфере, по мнению И.Д. Ковальченко, «привилегированное помещичье землевладение создавало общую неблагоприятную экономическую конъюнктуру как для развития сельскохозяйственного производства, так и прогресса на основе буржуазных отношений хозяйства в целом» [23, с. 470]. Эта неблагоприятная конъюнктура складывалась из неразвитости единого земельного рынка, выдачи помещикам огромных привилегированных ссуд со стороны акционерных земельных банков и Дворянского государственного земельного банка под залог имений, а также экономически необоснованных, завышенных в условиях земельного дефицита арендных платежей помещикам, ложившимися тяжким бременем на крестьянское хозяйство. Причем получаемые таким образом колоссальные средства помещики в основном не инвестировали в развитие своих хозяйств, а тратили непроизводительно, в частности, выводя за границу – что отражено, в том числе, в пьесе А.П. Чехова «Вишневый сад» (1903).

Подобно ее «героям» Раневской и Гаеву, братья Мальцовы, утратив промышленные капиталы, остались лишь владельцами имения в Симеизе и других объектов недвижимости, обслуживание которых само по себе требовало немалых ресурсов (согласно хранящейся в Ф. 333 ГАРК доверенности, данной 27 мая 1918 года И.С. Мальцовым В.А. Ральцевичу на управление всеми его недвижимыми имениями, в их список входили, помимо Симеиза, имение в Орловской губернии, дома в Петрограде и Царском селе) [24]. В 1894 г. скончалась и их мать, что, по-видимому, повлекло прекращение высочайше

утвержденных выплат на содержание из Государственного банка. С учетом всех этих обстоятельств судебная тяжба за имение Симеиз и принятое вскоре после ее положительного исхода решение о разделе земель у моря на участки и распродаже их под дачи представляется вполне логичным.

Похожие обстоятельства заставляли и других крупных землевладельцев распродавать или сдавать в аренду свои крупные земельные владения на Южном берегу Крыма, что в итоге и привело к «дачному буму» конца XIX – начала XX века. Не случайно в вышедшем в 1935 г. сборнике трудов «Социалистическая реконструкция Южного берега Крыма» были выделены три этапа развития Южного берега как курорта в царские времена. Первый хронологически связывался с деятельностью генерала-губернатора Новороссийского края с 1823 по 1854 гг. М.С. Воронцова и содержательно раскрывался как начальный для устройства крупного дворянского землевладения в Крыму (в это время происходили организация крупных помещичьих владений, устройство виноградарства, строительство первой южнобережной дороги, благоустройство и озеленение ЮБК). Второй этап приходился на 1860-е гг. – это была пора «кульминации помещичьего землевладения», когда «205 дворян владели 46000 десятин земли, то есть 4% землевладельцев сосредоточили в своих руках 66,5% всей земли Ялтинского района». Наконец, третий этап приходился на начало XX в., когда «на земли Южнобережья предъявляет свои права новый хозяин – буржуазия...» Происходили скупка имений разорившихся помещиков, инвестиции в развитие новых курортов (наиболее активным образом – на окраинах ЮБК). В центре ЮБК процесс шел более сложным образом: тут крупные имения разбивались на части, которые продавались или сдавались в аренду. В итоге к 1910 г. крупнейшие земельные владения (если не считать удельных) уже «принадлежали представителям новой буржуазии (на долю сельских обществ приходится 25,5% земель, крупных собственников – 35,5%, мелких – 39,0%)» [25, с. 179].

Как видим, коллизии, описанные в пьесе А.П. Чехова «Вишневый сад»,

имели место и на Южном берегу Крыма. Регион Российской империи, номинально не знавший крепостного права, тем не менее, в полной мере почувствовал свою сопричастность многомерным и драматическим процессам, начавшимся в стране и обществе после реформ 1860-х гг., в первую очередь, крестьянской.

Источники и литература

1. Карагодин А.В. Дачи и дачники русской Ривьеры. Очерки истории Южного берега Крыма и Севастополя начала XX века. М, 2024. 344 с.
2. План Нового Симеиза с показанием продаваемых участков. ГМИСПб. VIII-A-1202к. Кп. 204130.
3. Карагодин А.В. Историко-ориентированный тематический сайт «Симеиз. Путеводитель по старым дачам»: этапы разработки и перспективы исследования // Историческая информатика. 2020. № 1. С. 143–157.
4. Градостроительство России середины XIX – начала XX века. Ред.: Кириченко Е.И. и др. М., 2001–2010. Т. 2: Города и новые типы поселений. М., 2003. С. 300.
5. Набоков В.В. Рассказы. Воспоминания. М., 1991. С. 461.
6. Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф. 333. Оп. 1. Д. 1. Л. 3–8.
7. ГАРК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 14. Л. 203; ГАРК. Ф. 333. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–14.
8. Об успехах виноделия на южном берегу Крыма. Сочинение П. Кеппена. СПб., 1831. С. 42–43.
9. Арсентьев Н.М., Макушев А.А. Хрустальные короли России. Промышленное хозяйство и предпринимательская деятельность Мальцовых в XVIII–XIX веках. М., 2002.
10. Захарова Л.Г. Александр II и отмена крепостного права в России. М., 2011.
11. Захарова Л.И., Трифанков Ю.Т., Дзюбан В.В., Федькина Н.Г. С.И. Мальцов: социальная инициатива в промышленном регионе во второй

половине XIX века (взгляд из современности). Брянск, 2014.

12. Скальковский К. Воспоминания молодости. (По морю житейскому). 1843-1869. СПб., 1906.

13. Цит. по: Гиндин И.Ф. Государственный банк и экономическая политика царского правительства (1861-1892 г.) М., 1960.

14. Немирович-Данченко В.А. Америка в России // Русская мысль. 1882. № XII. URL: http://az.lib.ru/n/nemirowichdanchenko_w_i/text_1882_amerika_v_rossii_ (дата обращения 30.06.2026 г.)

15. Супроненко Т.В., Хохлов В.Г. Семейные тяжбы Мальцова // Страницы истории края: сборник статей. №2. Дятьково, 2011.

16. Лечебные места Южного берега Крыма. Руководство для едущих в Крым доктора В.И.Чугина. Ростов-на-Дону, 1882. С. 69–75.

17. Толстой Л.Н. Собрание сочинений в 20 тт. М., 1984. Т. 19. С. 59.

18. Дневник генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина, 1891–1899. Под ред. Л.Г. Захаровой. М., 2013.

19. Хохлов В.Г., Нихуткина Т.В. Духовное завещание С.И.Мальцова // С. И. Мальцов и история развития Мальцовского промышленного района. Ч. 2. Историко-краевед. конф. г. Дятьково. Музей хрусталя ОАО «Дятьковский хрусталь». Брянск, 1998. С. 29–32.

20. ГАРК. Ф. 333. Оп. 1. Д. 1. Л. 67–71, 83.

21. ГАРК. Ф. 333. Оп. 1. Д. 6. Л. 2–12, 23–25.

22. ГАРК. Ф. 333. Оп. 1. Д. 1. Л. 97–102 об.

23. Ковальченко И.Д. Аграрный строй России второй половины XIX - начала XX века. М., 2004.

24. ГАРК. Ф. 333. Оп. 1. Д. 1. Л. 147–147 об.

25. Социалистическая реконструкция Южного берега Крыма. Материалы районной планировки ЮБК. Симферополь, 1935.